

Манифест Черного феминизма

Предисловие от переводчиц

В 1977 году «Коллектив реки Комбахи» («Combahee River Collective») опубликовали «Манифест Черного феминизма» («Black Feminist Statement»), который оказал большое влияние на формирование феминистской левой социалистической мысли, в частности, в США. Спустя 40 лет манифест не потерял своей актуальности для Черных феминисток в США и в других странах. Несмотря на то, что манифест апеллирует к определенному контексту, конкретным историям и практикам борьбы Черных феминисток в США против расистского, сексистского и капиталистического угнетения, наше знакомство с этим текстом было важным стимулом для осмысления вопросов расизма, политик идентичности, интерсекциональности и транснациональной солидарности.

«Коллектив реки Комбахи» – это радикальная Черная феминистская организация в США, созданная в 1974 году и названная в честь рейда в 1853 году афроамериканской аболиционистки Гарриет Табмен (Harriet Tubman) на реке Комбахи в Южной Каролине. В ходе этого рейда были освобождены 750 порабощенных афроамерикан_ок. Приурочив свое название к этому историческому событию, «Коллектив реки Комбахи» сделали важную политическую интервенцию в феминистское движение. Продолжая достижения гражданского активизма Черных женщин в США, «Коллектив реки Комбахи» стремились создать возможности для небелых женщин в США и в других странах для участия в феминистской активистской деятельности. Будучи активистками различных социальных движений, участницы «Коллектива реки Комбахи» критически оценивали свое маргинальное положение в этих социальных движениях. Например, идентифицируя себя как Черные лесбиянки, участницы «Коллектива реки Комбахи» испытывали различные проявления сексизма и гомофобии в Черных

движениях. В то же время в феминистском движении, которое было преимущественно белым, они регулярно сталкивались с расизмом и игнорированием вопросов, связанных с расой и этничностью. «Манифест Черного феминизма» появился в контексте до сих пор актуальных дискуссий о гомогенности мейнстримного феминистского движения и проблематичности белого либерального феминизма. Участники коллектива нуждались в пространстве/месте, с которого они могли бы озвучивать свои политики, учитывающие взаимосвязи между гендером, сексуальностью, расой, этничностью, классом, гражданством и т. д. Соответственно, «Коллектив реки Комбахи» обозначили расу, гендер, сексуальность, класс как взаимно переплетающиеся системы угнетений, которые невозможно рассматривать по отдельности. Более того, «Манифест Черного феминизма» озвучил вопросы о том, что представляет собой радикальная транснациональная солидарность, поставив под сомнение такие гомогенные категории, как «женщина» и «глобальное сестринство». В манифесте активистки выступали против капитализма, гетеропатриархата, расизма, либерального индивидуализма с целью найти новые формы коллективных представлений о публичном пространстве, радикальных квир-политик и свободы.

В постсоветском контексте этот манифест практически неизвестен и не был переведен. Говоря о важности сопротивления западным гегемониям и изыскивая новые пути солидарности, мы считаем важным вступать в диалог с небелыми феминистками и их теоретизациями, которые, будучи созданы на географическом западе, при этом представляют собой примеры совершенно других (по отношению к привычным западным) высказываний, радикальных представлений и сопротивления. Мы считаем важным перевести «Манифест...» на русский язык, чтобы создать возможности для выстраивания трансформативных радикальных солидарностей, а также для саморефлексии. Манифест артикулирует важность транснациональной солидарности с так называемым «третьим миром» или глобальным Югом. Тем не менее, переводя «Манифест...» на русский язык, мы не хотим отрывать его от исторического контекста (в частности, колонизации и трансатлантической работорговли в США) и политического активизма (а именно Черного освободительного движения в США), которые обусловили его появление. В то же время «Манифест...» описывает опыты и теоретизации, которые открывают важные перспективы для феминистского и квир-активизма. «Коллектив реки Комбахи» подчеркивают важность перенесения в центр внимания маргинальных опытов небелых людей, чьи тела и идентичности являются объектом постоянных нападений, игнорирования, систематического насилия и сегрегации, а также основным ресурсом эксплуатации в рамках режима глобального капитализма. Многие пространства и социальные движения в постсоветском регионе часто остаются нечувствительными к вопросам расизма, этноцентризма, колониализма, империализма, национализма и т. д. Соответственно, что в таком случае будет означать чтение этого «Манифеста...» в постсоветском контексте? Какие критики и саморефлексии этот манифест позволит озвучить в отношении конструкции постсоветского субъекта как внутри постсоветского пространства, так и вовне?

Термин «Черный» используется в США в протестных политических движениях для самообозначения афроамериканского населения. Хотя этот термин чаще всего ассоциируется с антирасистскими движениями в США, он также использовался и используется в других контекстах как политическая категория для солидарности небелых людей против расизма и ксенофобии. В свою очередь, в постсоветском пространстве слово «черный» часто используется в оскорбительном значении в отношении людей, которые воспринимаются как небелые и неславянские. Тем не менее, мы используем прямой буквальный перевод термина *Black* и его написание с заглавной буквы, так как в контексте «Манифеста...» этот термин имеет важный политический смысл для обозначения и акцентирования расовых систем угнетения. В то же время мы считаем, что манифест может выступить катализатором для необходимых и важных дискуссий вокруг концептуализации термина *Black* и категории расы в постсоветском контексте.

За то время, пока мы делали перевод, различные события (например, череда погромов ромских поселений, отказ Европейского Союза в лице Польши принимать беженцев из Чечни, застрявших на границе Беларуси, неолиберальные реформы здравоохранения и образования в ряде постсоветских стран и т. д.) особенно убеждали нас в необходимости поиска других способов понимания тех процессов, которые происходят как глобально, так и, в частности, на постсоветском пространстве. «Манифест Черного феминизма», описывая конкретные опыты, способы видения и истории угнетения, в то же время вдохновляет нас для рефлексии нашей собственной позиции, вопросов социальной ответственности, квир-феминистских практик и даже вопросов гегемонии постсоветской феминистской мысли. В частности, для нас было важно задаться вопросом, какие тексты и способы осмысления считаются универсальными и, соответственно, доступными для транснационального «путешествия» и перевода, а какие исключаются как слишком специфические, локальные, неактуальные и неспособные к трансгрессии локальных границ.

Соответственно, мы считаем важным думать и про вызовы, связанные с переводом «Манифеста...». Каждая идея или категория содержит в себе определенные генеалогии и истории, которые обозначают другие субъектности и идентичности, невозможные для буквального перевода. Соответственно, мы видим наш перевод как «невозможную задачу», которая не ставит перед собой целью сделать все понятным и прозрачным. Наоборот, мы осознаем важность столкновения при чтении перевода манифеста с непонятностями, неясностями, неудобочитаемостями, которые не поддаются привычным кодам и объяснениям. В связи с этим мы осознаем риски апроприации идей «Манифеста...», но также осознаем и возможности для различных радикальных политических практик низового и часто маргинального квир-феминистского активизма. Мы убеждены, что практики транслокального перевода могут дестабилизировать и подрывать гегемонные нарративы гендера и феминизма через озвучивание и фокусирование на ассиметричных и асинхронных эффектах власти локально, регионально и глобально. В данном случае мы считаем, что «Манифест...» создает возможности делиться знаниями, что он

Участницы «Коллектива Реки Комбахи» держат баннер на протесте против сексуального насилия и убийства двенадцати Черных женщин в Бостоне за первые шесть месяцев 1979 года. Бостон, 1979. Фото Тины Кросс. https://abolitionjournal.org/with-immediate-cause/#_ftnref6

имеет транслокальную важность, в отличие от попыток выстраивать практики сопротивления на основе апеллирования к некоей универсальной идентичности «женщина».

«Коллектив реки Комбахи» в своем манифесте определяют политики идентичности как специфическое положение по отношению к пересекающимся системам власти, на основе которого должны выстраиваться практики сопротивления различным взаимосвязанным формам угнетения. В частности, активистки «Коллектива реки Комбахи» подчеркивают, что системы угнетения, с которыми они сталкиваются, и практики сопротивления, которые они разрабатывают, основываются не на их единичных самоидентификациях как только женщин, или афроамериканок, или лесбиянок, или представительниц рабочего класса, а на том, что активистки воплощают в себе все эти идентичности одновременно. В связи с этим положением на пересечении угнетений и вопреки ригидным границам идентичности, «Коллектив реки Комбахи» ставят перед собой цель определять и выстраивать свои политики и практики, основываясь на этом опыте. Более того, участницы группы «Коллектив реки Комбахи» отрицают солидарность исключительно по признаку одинаковости или на основе одной монолитной идентичности, а наоборот, считают, что политики идентичности, основанные на анализе пересечения угнетений, позволяют им выстраивать коалиции и разрабатывать радикальные политики совместно с другими группами.

Манифест Черного феминизма

Мы – коллектив Черных феминисток, существующий с 1974 года¹. В течение этого времени мы определяли и уточняли способы наших действий, наши политики и в то же время проводили политическую работу внутри нашей группы, а также в коалиции с другими прогрессивными организациями и движениями. В самом общем виде наши политики в данный момент можно сформулировать как приверженность борьбе с расовым, сексуальным, гетеросексистским и классовым угнетением, и мы рассматриваем в качестве нашей конкретной задачи развитие комплексного анализа и практики, основанных на представлении, что основные системы угнетения взаимосвязаны. Соединение этих угнетений определяет условия нашей жизни. Как Черные женщины, мы видим Черный феминизм как последовательное политическое движение в борьбе с многообразными и одновременными угнетениями, с которыми сталкиваются все «женщины цвета»².

В этом манифесте мы обсудим четыре основные темы: (1) возникновение современного Черного феминизма; (2) то, во что мы верим, а именно, определенную сферу наших убеждений, требований, ценностей; (3) трудности в построении организации Черных феминисток, включая краткую историю нашего коллектива; и (4) вопросы и практики Черного феминизма.

1. Возникновение современного Черного феминизма

Прежде чем перейти к рассмотрению развития Черного феминизма, мы хотели бы заявить, что мы видим основание нашего коллектива в истории непрерывной борьбы афроамериканских женщин за выживание и освобождение. Крайне негативное отношение Черных женщин к американской политической системе (системе, основанной на власти белых мужчин) всегда было определено нашей принадлежностью к двум группам, угнетенным по расе и полу. Как отмечает Анджела Дэвис в работе «Размышления о роли Черных женщин в рабстве», Черные женщины всегда воплощали собой оппозицию господству белых мужчин и активно противостояли их посягательствам на них и их сообщества как явными, так и скрытыми способами. Всегда были Черные женщины-активистки – некоторые известные, такие, как Соджернер Трут (Sojourner Truth), Гарриет Табмен (Harriet Tubman), Фрэнсис Э. У. Харпер (Frances E. W. Harper), Ида Б. Уэллс Барнетт (Ida B. Wells Barnett) и Мэри Черч Террелл (Mary Church Terrell),

¹ Этот Манифест написан в апреле 1977.

² «Женщины цвета» (women of color) – понятие, вошедшее в активный обиход в 1970-е гг. в политических антирасистских и феминистских движениях в США. Этот термин используется как политическая категория для самообозначения небелых женщин и выстраивания солидарности между ними.

а также тысячи и тысячи неизвестных, у которых было общее понимание того, как их сексуальная идентичность в сочетании с расовой идентичностью определяют их жизненную ситуацию и уникальность их политической борьбы. Современный Черный феминизм – это результат личных жертв бесчисленных поколений, а также борьбы и работы наших матерей и сестер.

Наиболее явно Черный феминизм развернулся во время второй волны американского женского движения, начиная с конца 1960-х годов. Черные женщины, женщины «третьего мира» и женщины-работницы с самого начала принимали участие в феминистском движении, но внешние реакционные силы, расизм и элитизм внутри самого движения препятствовали нашему участию. В 1973 году Черные феминистки из Нью-Йорка почувствовали необходимость создания отдельной Черной феминистской группы. В результате появилась Национальная Черная Феминистская Организация (NBFO).

Черные феминистские политики также имеют очевидную связь с Черными освободительными движениями 1960-1970-х годов. Многие из нас были активными участницами этих движений (движений за гражданские права, Черный национализм и «Черные Пантеры»); их идеология, цели и тактики значительно повлияли на нашу жизнь. Наш опыт и разочарование в этих освободительных движениях, а также опыт активизма на периферии белого мужского левого движения привели к необходимости разработки политики, которая была бы антирасистской, в отличие от политик белых женщин, и антисексистской, в отличие от политик Черных и белых мужчин.

Также существует личный фактор формирования Черного феминизма; другими словами, политическое осознание основывается на персональном жизненном опыте Черных женщин. Черные феминистки и многие другие Черные женщины, которые не идентифицируют себя как феминистки, испытывают сексизм как неотъемлемую часть повседневности. Уже с детства мы знаем, что мы отличаемся от мальчиков и к нам другое отношение. Например, нас учили быть тихими, чтобы соответствовать образу «девочки» и не вызывать неприятия в глазах белых людей. По мере взросления мы все больше осознавали угрозу физического и сексуального насилия со стороны мужчин. Однако у нас не было возможности концептуализировать то, что было так очевидно для нас, что мы знали, происходит в реальности.

Черные феминистки часто рассказывают о своем чувстве растерянности, которое они испытывали до того, как узнали о таких понятиях, как сексуальные политики, патриархальная власть и, самое важное, феминизм как политический анализ и практику, которые мы, женщины, используем в борьбе против нашего угнетения. Тот факт, что расовые политики и расизм являются доминирующими факторами в нашей жизни, не позволил нам и до сих пор не позволяет большинству Черных

женщин обращать больше внимания на свой собственный опыт и, исходя из этого, выстраивать политику, которая изменит нашу жизнь и прекратит наше угнетение. Наше развитие также должно быть связано с современным экономическим и политическим положением Черных людей. Послевоенное поколение Черной молодежи было первым, кто получили доступ к образованию и возможности трудоустройства, которые ранее были полностью закрыты для Черных людей. Хотя наше экономическое положение все еще в самом низу американской капиталистической экономики, некоторые из нас смогли в результате формального включения [tokenism] получить определенный доступ к образованию и трудоустройству, который потенциально позволяет нам более эффективно бороться с угнетением.

Объединенная антирасистская и антисексистская позиция собрала нас вместе изначально, и, по мере того как мы развивались в политическом плане, мы также начали фокусироваться на гетеросексизме и экономическом угнетении при капитализме.

2. Во что мы верим

Наши политики первоначально возникли на основе общей убежденности в том, что Черные женщины ценны, что наше освобождение является необходимостью само по себе из-за нашей общей потребности в автономии, а не как дополнение к чьей-либо другой свободе. Это может показаться очевидным и может звучать упрощенно, но ни одно якобы прогрессивное движение не учитывало наше угнетение в качестве приоритета и не работало серьезно для его прекращения. Сам факт существования уничижительных стереотипов о Черных женщинах (например, mammy, matriarch, Sapphire, whore, bulldagger¹), не говоря уже о жестоком, часто смертельно опасном обращении, с которым мы сталкивались, доказывает, как мало ценности имели наши жизни в течение последних четырех столетий рабства в западном полушарии. Мы осознаем, что единственные, кто заботится о нас и последовательно работает для нашего освобождения, – это мы сами. Наши политики развились на основе любви к себе, своим сестрам и своему сообществу, что позволяет нам продолжать борьбу.

Фокусирование на собственном угнетении выражено в нашей концепции политик идентичности. Мы верим, что наша собственная идентичность может служить важным ресурсом для формирования потенциально наиболее радикальных и комплексных политик, в отличие от политик, направленных на прекращение чужого угнетения. В случае Черных женщин, политики идентичности являются особен-

¹ Mammy, matriarch, Sapphire, whore, bulldagger – стереотипные представления в отношении Черных женщин, которые использовались и используются как контролирующие образы с целью регуляции жизни и доступа к ресурсам для Черных женщин, в частности, контроля их репродукции и сексуальности. Для большей информации см. Collings 2009, 69–96.

но противоречивым, опасным, угрожающим и, следовательно, революционным концептом, потому что, глядя на предшествующие нам политические движения, мы понимаем, что другие группы считаются более достойными освобождения. Мы не требуем пьедесталов и возвеличивания. Мы хотим, чтобы нас признавали людьми. Этого нам достаточно.

Мы верим, что патриархальные сексуальные политики столь же актуальны в жизни Черных женщин, как и политики класса и расы. Мы также считаем невозможным разделить расовое, классовое и сексуальное угнетения, потому что в нашей жизни они чаще всего испытываются одновременно. Мы знаем, что существует расово-сексуальное угнетение, которое не является ни исключительно расовым, ни сугубо сексуальным; в данном случае примером может быть история изнасилования Черных женщин белыми мужчинами как орудие политических репрессий.

Хотя мы феминистки и лесбиянки, в то же время мы солидаризируемся с прогрессивными Черными мужчинами и не выступаем за фракционирование, которого требуют белые сепаратистки. Наше положение как Черных людей побуждает нас к солидарности по принципу расы, которую белые женщины, конечно же, не должны иметь с белыми мужчинами, если только это не их негативная солидарность как расовых угнетателей. Мы боремся вместе с Черными мужчинами против расизма, и также мы боремся против сексизма со стороны Черных мужчин.

Мы осознаем, что освобождение всех угнетенных людей требует разрушения политико-экономических систем капитализма и империализма, а также патриархата. Мы социалистки, потому что мы верим, что труд должен быть организован для коллективной выгоды тех, кто трудится, и для производства продукции, а не для прибыли боссов. Материальные ресурсы должны быть равномерно распределены среди тех, кто производит эти ресурсы. Однако мы не верим в то, что социалистическая революция, которая не является также феминистской и антирасистской революцией, сможет гарантировать наше освобождение. Мы осознаем, что необходимо лучше понимать классовые отношения, учитывая специфическое классовое положение Черных женщин, которые маргинализированы на рынке труда, но в то же время иногда рассматриваются как желаемые объекты [doubly desirable tokens] для формального включения на административном и профессиональном уровнях. Мы должны описать реальное классовое положение людей, которые не являются «безрасовыми» и «бесполовыми» трудящимися, и при этом расовое и сексуальное угнетение является важным фактором в их трудовой и экономической жизни. Хотя мы находимся по сути в согласии с теорией Маркса применительно к конкретным экономическим отношениям, которые он

проанализировал, мы осознаем, что его анализ должен быть расширен, чтобы мы могли понять наше специфическое экономическое положение как Черных женщин.

Наш политический вклад, который, как нам кажется, мы уже сделали, заключается в расширении феминистского принципа о том, что личное является политическим. Например, на занятиях наших групп роста самосознания мы во многом вышли за рамки повестки белых женщин, так как мы имеем дело с последствиями расизма, классизма, а также сексизма. Даже наш стиль как Черных женщин, говорить и свидетельствовать о том, что мы переживаем, на языке, свойственном Черным людям, имеет политический и культурный резонанс. Мы вложили много сил и энергии в изучение культурных и практических оснований нашего угнетения, так как ни один из этих вопросов не рассматривался ранее. Никто раньше не изучали многослойную текстуру жизни Черных женщин. Примером такого рода откровения/концептуализации может служить собрание, на котором мы обсуждали, какими способами наши ранние интеллектуальные интересы подвергались нападкам со стороны наших сверстников, особенно Черных мужчин. Мы обнаружили, что каждая из нас, просто потому что была «умной», также считалась «уродливой», то есть «умной-уродливой». Восприятие нас как «умных-уродливых» определило варианты того, как большинство из нас могли развиваться интеллектуально за счет наших «социальных» жизней. Санкций, применяемых в Черных и белых сообществах в отношении Черных женщин-интеллектуалок, намного больше, чем в отношении белых женщин, особенно образованных женщин среднего и высшего классов.

Как мы уже заявляли, мы отвергаем позицию лесбийского сепаратизма, потому что это непродуктивный политический анализ или стратегия для нас. Эта позиция исключает слишком многое и слишком многих, особенно Черных мужчин, женщин и детей. Мы критикуем, каким образом мужчины социализированы в нашем обществе: за что они выступают, как они действуют и как они поддерживают системы угнетения. Но при этом мы не разделяем ошибочного представления о том, что их мужское тело – то есть их биологические характеристики – делает их такими, какие они есть. Как Черные женщины мы считаем, что любой биологический детерминизм является особенно опасной и реакционной основой для построения политик. Мы также должны задаться вопросом, является ли лесбийский сепаратизм адекватным и прогрессивным политическим анализом и стратегией даже для тех, кто практикует его, поскольку лесбийский сепаратизм полностью отрицает любые другие, помимо сексуальных, источники угнетения женщин, тем самым игнорируя факты классового и расового угнетения.

3. Трудности в построении организации Черных феминисток

За годы совместной работы нашего коллектива Черных феминисток мы прошли через успехи и поражения, радость и боль, победы и неудачи. Мы обнаружили, что очень сложно организовать людей вокруг проблем, находящихся в фокусе внимания Черных феминисток, сложно даже объявлять себя Черными феминистками в определенных контекстах. Мы пытались осмыслить причины наших трудностей, особенно потому, что белое женское движение продолжает оставаться сильным и расти во многих направлениях. В этом разделе мы обсудим некоторые общие причины организационных проблем, с которыми мы сталкиваемся, а также конкретно поговорим об этапах организации нашего собственного коллектива.

Основной источник трудностей в нашей политической работе заключается в том, что мы не просто пытаемся бороться с угнетением на одном или даже на двух фронтах, но фокусируемся на всем спектре систем угнетения. У нас нет никаких привилегий: ни расовой, ни сексуальной, ни гетеросексуальной или классовой, – на которые мы могли бы положиться, и у нас даже нет минимального доступа к ресурсам и власти, которые имеют группы, обладающие хотя бы одной из этих привилегий.

Нельзя недооценивать психологическую нагрузку, которую испытывают Черные женщины, и трудности, которые такая нагрузка порождает в достижении политического сознания и включении в политическую работу. Расистское и сексистское общество принижает значимость Черных женщин. Как сказала одна из первых участниц коллектива: «Мы все травмированы самим фактом быть Черными женщинами». Мы истощены психологически и не только, и все же мы чувствуем необходимость бороться за изменение положения всех Черных женщин. В статье «Черный феминистский поиск сестринства» Мишель Уоллес (Michele Wallace) приходит к такому выводу:

Мы как Черные женщины и феминистки в настоящий момент ограничены и работаем сами по себе, потому что в этом обществе еще нет среды, даже отдаленно подходящей для нашей борьбы, так как мы находимся в самом низу общества и нам нужно делать то, чего никто еще не делали: мы должны бороться со всем миром (Wallace 1975, 6-7).

Уоллес пессимистична, но реалистична в своей оценке положения Черных феминисток, особенно в своих отсылках к практически повсеместной изоляции, с которой большинство из нас сталкивается. Однако мы могли бы использовать наше маргинальное положение, чтобы предпринять целенаправленные шаги к революционным действиям. Освобождение Черных женщин будет означать освобождение всех, поскольку наша свобода требует уничтожения всех систем угнетения.

Но, тем не менее, феминизм зачастую воспринимается как угроза для большинства Черных людей, потому что он заставляет сомневаться в самых основных социальных установках, например, что пол определяет отношения власти. Вот как брошюра начала 1970-х годов, посвященная Черному национализму, определяла мужские и женские роли:

Мы считаем, что мужчина традиционно являлся и является главой дома. Он лидер дома / нации, потому что его знание о мире шире, его осведомленность выше, его понимание глубже и его использование этих знаний мудрее... К тому же логично, что мужчина должен быть главой дома, потому что он способен защитить и сохранить свой дом... Женщины не могут делать то же, что мужчины, потому что по своей природе они действуют иначе. Поэтому равенство между мужчинами и женщинами невозможно даже представить. Мужчины не равны другим мужчинам в связи с разницей в способностях, опыте и даже понимании. Ценность мужчин и женщин можно сравнить с ценностью золота и серебра: они не равны, но оба имеют высокую ценность. Мы должны понимать, что мужчины и женщины являются дополнением друг к другу, поскольку нет дома / семьи без мужчины и его жены. Мужчина и женщина необходимы для появления новой жизни (Mumininas of Committee for Unified Newark 1971, 4-5).

Материальное положение большинства Черных женщин вряд ли позволит им изменить экономические и сексуальные отношения, в которые они включены, потому что эти отношения создают определенное ощущение стабильности в их жизни. Многие Черные женщины осознают сексизм и расизм, но из-за повседневных ограничений в своей жизни они не могут позволить себе рисковать, чтобы бороться с обоими этими угнетениями.

Как известно, реакция Черных мужчин на феминизм была негативной. И конечно, они были еще больше, чем Черные женщины, напуганы самой возможностью, что Черные феминистки могут организовать вокруг собственных нужд. Черные мужчины осознали, что они могут не только потерять ценных и усердных союзников в своей борьбе, но также им придется изменить свои привычные сексистские способы взаимодействия и подавления Черных женщин. Обвинения, что Черный феминизм разделяет общее Черное освободительное движение, являются значительным препятствием для развития автономного Черного женского движения.

Тем не менее, за три года существования нашей группы сотни женщин были активно включены в ее деятельность. И каждая Черная женщина, пришедшая в нашу группу, сделала это из-за потребности в возможностях, которых раньше у нее не было.

Когда мы начали встречаться в начале 1974 года после первой восточной региональной конференции NBFO, у нас не было стратегии или даже фокуса нашей деятельности. Сначала мы просто хотели понять, что мы имеем. По прошествии нескольких месяцев мы снова встретились

в конце года и начали практиковать разные формы роста самосознания. Нас переполняло чувство, что после многих лет мы наконец-то нашли друг друга. Хотя мы еще не проводили политической работы как группа, отдельные участницы были задействованы в движениях вокруг лезбийских политик, против принудительной стерилизации и за право на аборт, а также в мероприятиях Международного женского дня, организованных Коалицией женщин «третьего мира», и поддерживали активистскую работу вокруг судебных процессов в отношении доктора Кеннет Эделин (Dr. Kenneth Edelin), Джоан Литтл (Joan Little) и Инез Гарсия (Inéz García). Летом, когда количество участниц в нашей группе сократилось, оставшиеся участницы начали серьезно обсуждать возможность открыть убежище для Черных женщин, пострадавших от насилия. (В то время в Бостоне не было таких убежищ.) В это же время мы решили стать независимым коллективом, так как у нас были серьезные разногласия с буржуазно-феминистской позицией NBFO и отсутствием у них четкого политического фокуса.

В это же время к нам обратились социалистические феминистки, с которыми мы сотрудничали по вопросу права на аборт, и пригласили нас принять участие в социалистической феминистской конференции в Йелоу Спрингс (Yellow Springs). Одна из участниц нашего коллектива посетила эту конференцию, и, несмотря на узость идеологической повестки, которая была предложена на конференции, мы стали больше осознавать необходимость более глубокого понимания нашего экономического положения и проведения экономического анализа.

Осенью, когда некоторые участницы нашего коллектива вернулись, у нас было несколько месяцев относительной неактивности и внутренних разногласий. Вначале мы определили их как раскол вокруг вопроса о сексуальности [lesbian-straight split], но они также были результатом классовых и политических различий. Еще летом мы решили, что необходимо проводить политическую работу и выходить за рамки групп роста самосознания и эмоциональной поддержки. В начале 1976 года, когда некоторые из участниц, не заинтересованные в проведении политической работы, покинули коллектив по собственному желанию, мы снова начали поиски фокуса нашей деятельности. В это же время с появлением новых участниц мы решили стать учебной группой [study group]. Еще за несколько месяцев до принятия этого решения мы уже обменивались книгами и публикациями друг с другом, и многие из нас писали статьи по Черному феминизму для группового обсуждения. Итак, мы начали функционировать как учебная группа, а также начали обсуждать возможность запуска Черного феминистского издания. В конце весны у нас был совместный отдых [a retreat], который дал нам время и возможность для политических дискуссий и для решения межличностных вопросов. В настоящее время мы планируем собрать коллекцию Черных феминистских текстов.

Мы полагаем, что совершенно необходимо продемонстрировать реальность наших политик другим Черным женщинам, и мы верим, что это возможно сделать через тексты и их распространение. Тот факт, что отдельные Черные феминистки живут изолированно друг от друга по всей стране, что численность нашего коллектива мала, но что мы обладаем навыками письма, печати и публикации, заставляет нас реализовывать подобные проекты как средство мобилизации Черных феминисток, поскольку мы продолжаем проводить политическую работу в коалиции с другими группами.

4. Вопросы и практики Черного феминизма

За время нашей совместной деятельности мы определили и проработали многие вопросы, которые особенно важны для Черных женщин. Инклюзивность наших политик побуждает нас заниматься любыми ситуациями, которые затрагивают жизнь женщин, людей «третьего мира» и трудящихся. Мы, конечно же, особенно привержены борьбе, в которой раса, пол и класс являются одновременными факторами угнетения. Например, мы можем участвовать в организационной деятельности на заводе, где работают женщины «третьего мира», или пикетировать больницу, которая сокращает и без того скудные услуги по уходу за здоровьем для людей «третьего мира», или участвовать в создании кризисного центра в Черных районах для пострадавших от сексуального насилия. Также нашим фокусом может быть деятельность вокруг обеспечения социальной защиты и работы детских садов. Работа, которую нужно проделать, и бесчисленные проблемы, связанные с этой деятельностью, едва ли отражают в полной мере вездесущность нашего угнетения.

Вопросы и проекты, над которыми работал наш коллектив, – это принудительная стерилизация, право на аборт, работа с женщинами, пострадавшими от насилия и сексуального насилия, и вопросы медицинского обслуживания. Мы также проводили много семинаров и образовательных мероприятий по Черному феминизму в университетских городках, на женских конференциях и совсем недавно для школьниц.

Один из основных вопросов для нас, по поводу которого мы стали выступать публично, – это расизм в белом женском движении. Как Черные феминистки мы постоянно видим и болезненно осознаем, как мало усилий белые женщины прилагают для того, чтобы понять и противостоять своему расизму, что среди прочего требует от белых женщин более чем поверхностного понимания расы, цвета кожи и Черной истории и культуры. Устранение расизма в белом женском движении по определению должно быть работой белых женщин, но мы будем продолжать говорить об этом и требовать ответственности в этом вопросе.

В практике наших политик мы не считаем, что результат всегда оправдывает средства. Многие реакционные и деструктивные действия были совершены во имя достижения «правильных» политических целей. Как феминистки, мы не хотим несправедливо относиться к людям во имя политики. Мы верим в коллективный процесс и неиерархическое распределение власти внутри нашей собственной группы и в нашем видении революционного общества. Мы стремимся к постоянному переосмыслению наших политик, поскольку они развиваются через критику и самокритику, как один из важных аспектов нашей практики. Во введении к книге «Сестринство – это сила» Робин Морган (Robin Morgan) пишет:

У меня нет ни малейшего представления о том, какую возможную революционную роль могут выполнять белые гетеросексуальные мужчины, поскольку они являются воплощением реакционной силы. Как Черные феминистки и лесбиянки мы знаем, что перед нами стоит очень определенная революционная задача, и мы готовы к продолжительной работе и борьбе.

Collins, Patricia Hill. 2009. *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*. New York, NY: Routledge.

Mumininas of Committee for Unified Newark. 1971. *Mwanamke Mwananchi (The Nationalist Woman)*. Newark, NJ: Mumininas of CFUN.

Wallace Michele. 1975. "A Black Feminist's Search for Sisterhood." *The Village Voice*.